История российско-китайских отношений

俄中关系历史

The History of Russian-Chinese Relations

УДК (47+510)(09)

DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(4).28-37

**Власти Забайкальской области
и китайские иммигранты: начало XX века** **В.И. Косых**

Забайкальский государственный
университет,
г. Чита, Россия

Дата поступления:

13.05.2019

Дата принятия к печати:

18.12.2019

Дата онлайн-размещения:

28.12.2019

Аннотация. Рассматриваются взаимоотношения, сложившиеся между различными властями Забайкальской области и прибывшими сюда китайскими иммигрантами в начале XX в. Автор анализирует причины, побудившие подданных Поднебесной к появлению на территории Российской империи. В работе указывается, что китайцы прибывали сюда по самой простой причине — чтобы прокормить свои семьи, оставшиеся дома, и, если получится, открыть в Забайкалье свое дело, как некоторые их соотечественники, осевшие в России.

В статье подчеркивается, что китайцы в Забайкалье брались абсолютно за любую работу, не гнушась самой черной, не требующей квалификации, причем за ту оплату, от которой отказывались россияне. По мнению автора, они преуспели в огородничестве, поскольку постоянно удивляли забайкальцев тем, что у них раньше всех появлялись свежие овощи, которые быстро раскупались.

Много подданных Поднебесной трудились на забайкальских золотых приисках, строительных площадках, прокладке дорог, включая и Забайкальскую железную дорогу, занимались торговлей, реализуя продукцию, вывозимую с родины. Они арендовали участки земли у местного населения, занимаясь огородничеством. Можно полагать, что подобное трудолюбие могло снизить уважение забайкальцев.

Правда, взаимоотношения властей с частью китайцев явно не складывались. Основная их масса прибывала в Забайкалье и проживала здесь по национальным паспортам или виду на жительство, которое выдавалось российскими консульствами в Китае, либо по месту их пребывания и проживания. Подобные документы китайцам надлежало постоянно иметь с собой. Однако не все китайцы прибывали легально: часть из них проникала без разрешающих документов, что доставляло немало головной боли чиновникам Министерства иностранных дел России, военным и гражданским властям Сибири, Забайкалья, Приморья, ви-

девшим в этом «желтую опасность». Беспаспортных, не имевших вида на жительство не пропускали через российскую границу или высылали в Китай, запрещалось (с 1910 г.) принимать на казенные работы.

Ключевые слова. Забайкалье, полиция, китайцы, паспорт, вид на жительство, нелегалы.

二十世纪初，后贝加尔政府与中国移民

Kosykh V.I.

后贝加尔国立大学
赤塔，俄罗斯联邦

结稿日期：2019年5月13日
出版日期：2019年12月18日
网上出版日期：2019年12月28日

摘要. 本文介绍了20世纪初，后贝加尔地区的各个部门与到达这里的中国移民之间的关系。作者分析了促使中国公民来到俄罗斯境内的原因。分析表明，中国人来到这的最直接的原因是供养留守在故乡的家人，并在条件允许的情况下，像在俄罗斯定居的其他同胞一样，在后贝加尔开始工作。

这篇文章强调了中国华人从事的各种工作被鄙视为黑户，而且俄罗斯人拒绝支付这笔钱。根据作者的说法，他们从事了果蔬工作，因为他们的蔬菜新鲜度使贝加尔湖的居民惊讶，所以果蔬很快就卖光了。

中国的许多公民在后贝加尔湖的金矿、建筑工地、道路铺设，包括后贝加尔湖从事贸易，销售从中国出口的产品的铁路项目。他们从当地居民那里租了土地，从事种植。可以肯定的是，这种勤奋赢得了后贝加尔人的尊重。

显然，政府部门与部分中国人之间的的问题没有解决。他们中的大多数人到达了特兰拜卡利亚，并根据国家护照或俄罗斯驻中国领事馆签发的居留证在这里居住，或在其居住地居住。中国人应始随时随身携带此类文件。但是，并不是所有的中国人都是合法到达的：其中一些人未经许可就入境了，这给俄罗斯外交部官员，西伯利亚，特贝卡利亚，滨海边疆区的西伯利亚军事和民政部门的官员们带来了许多麻烦，他们认为这是“黄色危险”。没有居留证的非护照持有人的中国人不允许越过俄罗斯边境或被驱逐回中国，从1910年开始，政府工作开始禁止接受。

关键词. 后贝加尔，警察，中国人，护照，居留证，非法移民者。

Authorities of Zabaikalye Oblast and Chinese Immigrants: Early XX Century

Kosykh V.I.

Zabaikalye State University
Chita, Russia

Received: May 13 2019
Accepted: December 18 2019
Available online: December 28 2019

Abstract. The paper examines interrelations developed between various authorities of Zabaikalye Oblast and Chinese immigrants who arrived here in early XX century. The author analyses the causes that had motivated the subjects of the Heavenly Empire to appear on the territory of the Russian Empire. The paper shows that the Chinese arrived here due to the simplest reason — in order to provide for their families,

that had stayed at home, and with any luck, to open their businesses in Zabaikalye, like their compatriots who had settled down in Russia.

The article underlines that the Chinese absolutely took up any job, being not above the most unskilled labor, what's more, for the same payment the Russians would refuse. In the author's opinion, they made great strides in market gardening as they constantly surprised the Zabaikalye people with their coming out with fresh vegetables to be bought up quickly.

Many subjects of the Heavenly Empire labored at the Zabaikalye gold workings, construction sites, including the Zabaikalye railway road, engaged in trade, marketing the products carried out from the motherland. They leased patches of land from local population, doing market gardening. One may believe that such industriousness could win respect of the Zabaikalye people.

The truth was that interrelations of the authorizes with part of the Chinese evidently did not develop. Their major mass arrived to Zabaikalye and lived here with their national passports or residence permits, issued by Russian consulates in China or on the place of their stay and living. The Chinese were supposed to have similar documents constantly with them. But not all Chinese arrived legally: part of them penetrated without permitting documents, which caused headaches to civil servant of the Russia' Ministry of Foreign Affairs, to the military and civil authorities of Siberia, Zabaikalye, Primorye, who saw «yellow danger» in it. Those having no passports or residence permits were not allowed to pass through the border or sent back to China, they were forbidden (since 1910) to be hired for state-owned jobs.

Keywords. Zabaikalye, police, Chinese, passport, residence permit, undocumented migrants.

К концу XIX в. в Забайкалье не существовало территорий компактного расселения китайцев. Большинство из них находилось в крае временно, занимаясь сезонными работами и промыслами, образуя отдельные районы или точки в городах и селах.

Основной поток китайских иммигрантов направлялся в Приморье, Забайкалью доставались лишь его «брызги», хотя доля китайцев в общих цифрах населения края являлась заметной. В большинстве своем они прибывали из соседней Маньчжурии, гораздо меньше из Приморья и Приамурья — гг. Владивостока и Благовещенска¹.

Проживали китайцы в Забайкалье по национальным паспортам или по виду на жительство (билету). Последний выдавался российскими консульствами в Китае, либо по месту их пребывания и проживания. Например, Читинское городское полицейское управление выдавало указанный документ сроком на 1 год. Уместно привести текст подобного свидетельства: «Главное Железнодорожное Дипломатическое бюро Хэйлунцзянской провинции в г. Харбин 19 апреля 4 г. Китайской Республики № 301 Свидетельство. Выдано китайскому подданному рабочему Чжоо-Дин-Чин, отправляющемуся в пределы Российской империи в г. Читу, со-

¹ ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 393. Л. 17.

гласно его просьбе с предоставлением фотографической карточки и двух экземпляров: 1 экземпляр хранится при дипломатическом бюро; 2 экземпляр — засвидетельствованный с приложением казенной печати и приклеен к настоящему свидетельству. В случае предъявления свидетельства без карточки, таковое недействительно. Свидетельство действительно сроком на один год»².

По истечении годичного срока билеты (свидетельства) надлежало продлевать. Отметим, что после 1910 г. к свидетельствам в обязательном порядке прилагалась фотография владельца, без которой документ считался недействительным.

При визировании своих национальных паспортов и получении российских билетов китайцы выплачивали различные сборы — основные, штрафные, дополнительные, гербовые. Так, в течение 1911 г. в Забайкальской области за визирование национальных паспортов и получение российских билетов китайцы уплатили следующие сборы: налог — 1 470 руб. 60 коп., гербовый — 703 руб. 50 коп., канцелярский сбор — 277 руб. 20 коп., штрафные — 375 руб. (всего 2 926 руб.)³.

Число прибывающих в Забайкалье китайцев на 10% превышало число убывающих на родину. Они редко задерживались здесь, проживали чуть больше года, скопив определенную сумму, возвращались на родину к своим семьям. В связи с постоянными перемещениями их учет на территории Забайкалья являлся делом трудным. Уместно привести некоторые факты. Так, в Маккавевском станичном правлении к марту 1911 г. отмечено 11 китайцев, в течение мая сюда прибыл еще один, и убыло трое. На июнь 1911 г. здесь оставалось трое китайцев⁴.

В станице Титовской того же правления проживали 8 китайцев (все — рабочие), в Титовском выселке еще 19 (также рабочие), в поселке Атамановском — сразу 40 (все 67 чел. — рабочие). В станице Титовской китайцы занимались исключительно

огородничеством, поражая местное население чрезвычайно ранним выращиванием лука, редиски, огурцов и др. Реализация плодов земных приносила китайцам 1 650 руб. прибыли (естественно, без учета расходов).

Китайцы на выселках в основном трудились на вокзале, в пос. Атамановском занимались распиловкой дров от подрядчика крестьянина Григорьева из Александровской волости⁵.

Пристав Нерчинского окружного ведомства Кабинета Его Императорского Величества докладывал в канцелярию Забайкальского статистического комитета следующее: в станице Новотроицкой работали 40 китайцев, еще один — в пос. Казаково, на Урульгинском промысле — пятеро, на Приаргунском промысле — шестеро (всего 75 рабочих)⁶.

В пос. Галкинское Размахнинской станицы трудились разнорабочие Чин-Цай и Ю-Фан, чей заработок составлял 10–15 руб. в месяц⁷.

Тыргетуевское волостное правление Читинского округа сообщало, что на 1 сентября 1900 г. в с. Бальзинском проживал один китаец, православный и женатый на русской, имевший девятых детей (пятерых мальчиков и четырех девочек). В с. Дарасунском работали трое китайцев, в с. Новодоронинское — один китаец-торговец, располагавший имуществом, оцененным в 1 500 руб. Отметим, что китаец в с. Бальзинском также занимался торговлей и располагал имуществом на ту же сумму⁸.

Свой капитал китайцы наживали на торговых операциях, реализуя товары, привозимые с родины. Его обычно составляли различные ткани, женская бижутерия, кожаная обувь, фрукты, американский технический спирт и др. Добавим сюда и то, что они не отказывались ни от какой работы, которой в Забайкалье хватало.

Они неплохо прижились здесь, устраивали и свою семейную жизнь. Некоторые волостные, станичные правления в отчетах

² ГАЗК. Ф. 8. ОП. 3. Д. 124. Л. 10.

³ ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 393. Л. 25.

⁴ ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 393. Л. 16–16 ОБ; ГАЗК. Ф. 19. ОП. 1. Д. 257. Л. 21, 49, 66.

⁵ ГАЗК. Ф. 19. ОП. 1. Д. 91. Л. 131, 138.

⁶ ГАЗК. Ф. 19. ОП. 1. Д. 91. Л. 173–174.

⁷ ГАЗК. Ф. 138. ОП. 1. Д. 135. Л. 2.

⁸ ГАЗК. Ф. 19. ОП. 1. Д. 91. Л. 177, 196.

Забайкальскому статистическому комитету почему-то относили к китайцам детей от браков последних с россиянками.

Сведения о прибывших и проживавших китайцах поступали в вышеуказанный комитет не только из уездов — отчитывались перед ними и власти г. Читы. Статистика учитывала не только количество подданных Поднебесной, но и среду их деятельности. Так, в ведомости о китайцах, проживающих в г. Чите на 1 сентября 1900 г., значились 240 торговцев (213 «торгующих» и 27 приказчиков), 63 плотника и разнорабочих, 20 рабочих кожевенных заводов, 128 — кирпичных заводов, 60 — огородников (всего 511 чел.)⁹.

По данным Забайкальского областного статистического комитета на 1 сентября 1900 г. в области проживали 4 973 официально зарегистрированных китайца¹⁰. Все они располагали необходимыми для этого документами.

Правда, далеко не все китайцы учитывались вышеуказанным учреждением, поскольку не все правления предоставляли необходимые сведения. Так, Куенгское утверждало, что на местном заводе трудилось значительное число китайцев, хотя конкретных цифр не указало. Дело в том, что руководство предприятий и жандарм (в его ведении находились китайцы) в станичное правление точной статистики не предоставляло.

На 1 сентября 1900 г. на Борщевском винокуренном заводе М.Д. Бутина трудились те же китайцы, хотя и неизвестно сколько. Подобное отмечалось и на Колертайском цементном заводе¹¹. Можно полагать, что руководство предприятий, контролировавшее присутствие на них китайцев, не собиралось подавать объективные сведения о них. Тот же начальник 10-го участка службы ремонта пути и зданий Забайкальской железной дороги сообщал, что на 1 сентября 1900 г. на 977—1 057-й верстах пути трудился всего-то 41 китаец¹².

Можно полагать, что лукавил и заведующий Приаргунскими отрядными золотыми промыслами, сообщая, что на 1-е сентября

1900 г. на промысле по реке Архипов (так в тексте — В.К.) работали всего шестеро подданных Поднебесной¹³.

Ундургинское волостное правление подробно информировало статистический комитет, что на 1 октября 1900 г. в волости трудились шестеро китайцев в возрасте от 26 до 39 лет, все бессемейные. Из них Ван Вын-хо, ХеньТуцинъ, Ван Чжан Чжун в выселке Могойтуевском (при станции Адриановка) арендовали у крестьянина С. Ушакова 1 425 кв. саженей земли за 100 руб. в год, занимались огородничеством. Син Чан-Цунъ, Чжан-Ианъ и Ли-Син арендовали в том же выселке у крестьянина Г. Крюкова 839 кв. саженей земли за 60 руб. в год¹⁴.

Забайкальские предприниматели нанимали китайцев потому, что, во-первых, русские на любую работу не шли, считая ее слишком уж тяжелой. Во-вторых, русские рабочие всегда требовали повышенной платы, китайцы соглашались на обычную¹⁵.

Землю те же забайкальцы сдавали китайцам в аренду потому, что, во-первых, она имела в излишнем количестве и русские ее не особенно арендовали. Во-вторых, китайцы прекрасно обрабатывали земельные участки, добивались хороших урожаев, выплачивая до 25 руб. с десятины в год¹⁶.

Правда, признавая превосходные качества китайца-земледельца, купца, промысловика, отдавая и совершенно справедливо должное потрясающему трудолюбию китайского работника, русские тем не менее с плохо скрываемым презрением относились к ним. Естественно, и китайцы воспринимали русских соответственно

Известный российский революционер Л.Г. Дейч, живший в г. Благовещенске, отмечал: «... В среде малокультурных слоев нашего населения китайцы и маньчжуры не пользовались особо симпатией, низшие слои видели в них представителей чуждой национальности, упорно избегающей слиться с русской... Кроме того, в них русские рабочие видели опасных для себя конкурентов...» [1, с. 57].

⁹ Там же. Л. 208.

¹⁰ ГАЗК. Ф. 19. ОП. 1. Д. 91. Л. 205, 206 ОБ.

¹¹ Там же. Л. 129.

¹² Там же. Л. 142, 142 ОБ.

¹³ Там же. Л. 159.

¹⁴ ГАЗК. Ф. 24. ОП. 2. Д. 184. Л. 20—23.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 11 ОБ.

После восстания ихэтуаней поток китайцев в Россию вообще и в Забайкалье в частности заметно уменьшился. Однако после поражения России в войне с Японией 1904–1905 гг. российские власти и общественность выражали серьезную обеспокоенность тем, чтобы новый наплыв китайцев не привел в итоге к потере контроля над восточными окраинами России. Кроме того, среди китайской общины в Приамурье широко распространялись представления о том, что именно они, китайцы, являются истинными хозяевами обширного края. Понятно, что подобные слухи, при наличии определенных обстоятельств, вполне могли бы прижиться и среди китайской общины в Забайкалье [2, с. 68].

Последняя регулярно пополнялась. Можно полагать, что китайцы манкировали российскими законами. Они проживали в России фактически вне паспортного контроля. Тайный переход российско-китайской границы они давно отработали за счет доставки сюда ханшина или недоброкачественного американского технического спирта, переправляя в Китай золото. Правда, и россияне не единожды подобным же образом с разными мелочными грузами нарушали ту же границу. Этот поток не смогли перекрыть ни российские пограничники, ни таможенники.

В целях пресечения подобного российские власти устраивали настоящие облавы на территории страны. В Забайкалье в 1905–1912 гг. удалось обнаружить «безбилетных» китайцев, не имевших ни визированных паспортов, ни видов на жительство. В этом случае нелегалов просто высылали за пределы Российской империи. К сожалению, точных сведений о количестве высланных «безбилетных» китайцев пока обнаружить не удалось¹⁷.

В 1905–1911 гг. в Чите полиция выявила 1547 нелегально («безбилетных») проживающих китайцев¹⁸. Позже, в ночь на 5 марта 1916 г., команда пристава 2-й части г. Читы задержала 12 китайцев без вида на жительство, который надлежало носить при себе обязательно: отсутствие его квалифицирова-

лось как серьезное нарушение российского законодательства. Они же оказались без определенного рода занятий, всех их незамедлительно выдворили из России¹⁹.

Масса китайцев-нелегалов трудилась на крупных строительных объектах, предприятиях горнодобывающей отрасли, золотых приисках. Полиция организовывала в таких местах ночные и дневные облавы, после чего обнаруженные здесь нелегалы-китайцы высылались на родину. Правда, имелись исключения следующего порядка, действовавшего и в Забайкалье: если за кого-либо из них ходатайствовали работодатели, то полицией им выдавался вид на жительство, они получали разрешение остаться на работе²⁰.

Сверхдешевый труд китайцев, их безотказность заниматься им побуждали предпринимателей и, в частности, золотопромышленников, негласно оказывать помощь китайцам-нелегалам.

Негативные стороны (сверхдешевый труд, безотказность, безропотность и др.) жизни китайских общин (от Забайкалья и до Дальнего Востока) создавали устойчивое представление россиян о «китайском засилье». Так, генерал А.И. Куропаткин отмечал: «... Ныне огромная эмигрантская волна.. перекатывается через границу и смешивается с русским населением, создавая для него конкуренцию во всех видах труда. Если бы упразднить русско-китайскую границу и допустить свободное передвижение в Сибирь китайцев наравне с русскими правами — сибирские местности могли бы в короткое время окитаиться, а русские стали бы вытесняться за Урал» [2, с. 66].

Существовали опасения и другого порядка: на китайцев россияне нередко смотрели как на «разведчиков» или «проводников» потенциального вражеского войска. Можно только сожалеть, что благодаря известному благодушию и безалаберности российских властей на местах, китайцев допускали даже на строительство укреплений и других военных объектов. Получалось странное, хотя и обычное для России: «В места, куда русского офицера не допустят никоим образом,

¹⁷ ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 393. Л. 12, 13, 13 ОБ.

¹⁸ Там же. Л. 27.

¹⁹ ГАЗК. Ф. 24. ОП. 1. Д. 523. Л. 10.

²⁰ ГАЗК. Ф. 1(О). ОП. 1. Д. 14976. Л. 7–12, 17.

китайцы проникают вполне свободно». Рядовому российскому обывателю представляется вполне вероятным драматический вариант всеобщего восстания китайцев по единому сигналу с последующим превращением их в «тыловое войско» [2, с. 68].

Подобные опасения имели под собой основу и этот вывод четко прослеживался в переписке военных властей Забайкалья, Приамурья, Иркутска. Так, военный губернатор Забайкальской области в письме от 2 мая 1909 г. за № 759 сообщал читинскому полицмейстеру: «За последнее время стало наблюдаться массовое передвижение по Забайкальской железной дороге китайцев. По мнению железнодорожных агентов, это не китайские рабочие, а войска: все они хорошо, чисто и однообразно одеты, следуют в однообразно образцовом порядке, соблюдают полную тишину, редко выходят из вагонов».

Поскольку на строительство амурской железной дороги запрещалось принимать китайских рабочих, «для нужд же приисков такое количество слишком велико, то упомянутый массовый наплыв в наши пределы незваных иностранцев обращает на себя внимание...». И даже указывалось: «... Предписываю донести мне сколько во вверенном Вам уезде находится китайцев; в какой местности отдельно чем занимаются и т.п.»²¹.

Отметим, что впоследствии эскалация и передвижение китайских войск будут повсеместно наблюдаться на протяжении китайской границы — от Забайкалья до Владивостока. По той же причине нелегальное пересечение границы китайцами стало настоящей «головной болью» для местных российских властей.

Иркутский генерал-губернатор в письме от 10 февраля 1907 г. за № 70 рекомендовал военному губернатору Забайкальской области «сделать соответствующее распоряжение подведомственным Вам лицам, чтобы все при переходе китайскими подданными нашей границы, требовали от них паспорта, визированные нашими консулами и Консульскими представителями в Мон-

голии и Маньчжурии, лиц, не имеющих визированных паспортов, не пропускать в пределы России...»²².

Массовое и зачастую бесконтрольное перемещение китайцев по России, включая Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток, ставило власти на местах перед необходимостью по-настоящему строгого учета и регистрации их передвижения. Так, военным губернаторам Забайкальской области в распоряжении от 22 июня 1907 г. за № 539 к уездным начальникам и полицмейстерам предписывалось: «... Представлять ежемесячно, начиная с 1-го июля сего года в Штаб Иркутского Военного округа сведения о всех проезжающих и проживавших в подведомственных Вам районах, китайских подданных. Сведения эти должны заключать в себе данные: откуда и когда прибыло лицо, чем занимается и сколько лет имеет от роду»²³. Можно полагать, что военный губернатор поставил перед своими чиновниками трудную задачу.

Читинский полицмейстер получал сведения о числе проживающих в городе китайцев от полицейских надзирателей, являющихся начальниками полицейских отделов. Полученные данные он направлял военному или вице-губернатору. Отметим, что в них ощущался явный разноречивый. Точно учитывались лишь те китайцы, которые проживали в городе вполне легально, с положенными для этого документами и имевшие определенный род занятий. Что касается проживавших нелегально, равно как постоянно перемещавшихся по Забайкалью в поисках более-менее постоянной работы и заработка, то они не поддавались полицейскому учету. Да и последние сами указывали в отчетах, что точными сведениями о числе нелегальных и постоянно перемещающихся по области китайцев они не располагают²⁴.

В 1911 г. для противодействия наплыву подданных Поднебесной власти огромного дальневосточного региона России совместными усилиями сумели выработать ряд общих ограничительных мер. В них предлагалось следующее: «... 1. Всех китай-

²² ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 495. Л. 21.

²³ ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 233. Л. 11.

²⁴ ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 393. Л. 25.

²¹ ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 260. Л. 25–27.

ских подданных, прибывших на границу, без своих национальных паспортов, визированных нашими консульствами, не допускать в пределы России...

2. Обнаруживаемых в областях китайских подданных, не имеющих ни национальных визированных паспортов, ни русских билетов, немедленно выдворять на родину.

3. Китайские подданные, которые уже водворились в областях и проживают по одним только русским билетам без национальных визированных паспортов, билетов этих не продлевать.

4. Лиц, принявших на работы беспаспортных китайцев или с просроченными билетами, а также предоставивших им пристанище, привлекать к законной ответственности...»²⁵. Судя по всему, контроль за беспаспортными и безбилетными китайцами, а также допускавшими попустительство в этом отношении российскими предпринимателями, мог усиливаться.

Чуть раньше, летом 1910 г., с началом работ по строительству между Кяхтой и Троицкосавском казарм для военного ведомства, из Иркутска, Верхнеудинска и Читы прибыло несколько сот китайцев из провинций Маньчжурия и Шаньдун. Все они являлись чернорабочими, имели национальные паспорта, завизированные во Владивостоке. За всей этой массой Кяхтинский пограничный комиссар и Цзаргучей (глава) китайского города Маймачен установили самый строгий контроль. Два-три раза в месяц они подвергали внезапной проверке всех китайцев в местах их проживания и на рабочих местах. Обнаруженных без паспортов немедленно выдворяли в Китай, или, при известной благонадежности и поручительстве за них со стороны российских предпринимателей, снабжали паспортами²⁶.

Вскоре решение проблемы нелегальных иммигрантов потребовало не только участия в этом региональных властей, но и принятия закона на государственном уровне. Об этом свидетельствует документ в виде копии отношения Департамента общих дел МВД России Иркутскому губернатору от 9 марта

1912 г. за № 6851. По поручению военного губернатора Забайкальской области от 23 июня 1913 г. за № 4753 документ разослали уездным начальникам, горным исправникам, приставам Нерчинского округа Кабинета Его Императорского Величества и Амурской железной дороги²⁷.

В нем, в частности, отмечалось следующее: «В виду принятия мер противодействия наплыва «желтой расы», МВД ... был выработан внесенный в Государственную Думу проект правил о пропуске в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область и о проживании в них иностранных подданных. Вместе с тем имелось в виду увеличение штатов местной администрации, полиции, врачей, со специальной целью усилить средства надзора над прибывающими в край китайцами... Для этого требовалось знать:

1. Количество и плотность населения к настоящему году в Забайкальской области;

2. Распределение иностранцев во возрасту, полу, профессиям.

3. Число неспособных к труду и безработных китайцев.

4. Эксплуатация китайцами русских инородцев, преступность среди желтого населения»²⁸.

Можно полагать, что власти Забайкальской области, Приамурья и Приморья вздохнули с облегчением, однако законопроект таковым и остался. Свою роль в этом сыграла позиция Министерства иностранных дел России: «Наплыв (китайцев — В.К.) не опасен политически» [2, с. 68].

Приамурский генерал-губернатор в письме от 7 декабря 1913 г. за № 374 напоминал губернаторам Амурской и Забайкальской областей, что «хотя законопроект о воспреещении иностранцам в проживании в полосе отчуждения Амурской железной дороги наниматься в работники у русских нет оснований, но тем не менее в целях предотвращения наплыва «желтых» ... необходимо принять все меры, допускаемые законом, к воспреещению наплыва на нашу территорию. Поэтому следует широко пользоваться статьей 205 (1)

²⁵ ГАЗК. Ф. 24. ОП. 1. Д. 192. Л. 7–7 ОБ.

²⁶ ГАЗК. Ф. 1 (О). ОП. 1. Д. 14796. Л. 13.

²⁷ ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 393. Л. 1.

²⁸ ГАЗК. Ф. 26. ОП. 1. Д. 393. Л. 2–4.

Уст. пред. и пресс., предоставляющей право губернаторам высылать их за границу»²⁹.

Неизвестные трудности связывались с введением паспортной системы на российской границе, особенно в районе Кяхты, и на участке границы с Монголией. Российские власти понимали, что при коренном изменении установленных ранее правил и порядков перехода китайских подданных российской границы невозможно в кратчайший срок путем одного лишь опубликования применить их для обширной кочевой Монголии. Существовало опасение, что поспешностью в этом вопросе можно вызвать труднопоправимые и неблагоприятные последствия для России³⁰.

На фоне международной жизни и приграничных отношений между Россией и китайской Маньчжурией, регламентированных рядом особых договоров и соглашений, всегда исполняющихся обеими сторонами, введение паспортной системы для китайцев являлось вопросом малозначимым, как не нарушающим никаких установленных издревне обычаев³¹.

Кяхтинский пограничный комиссар в письме от 12 ноября 1920 г. за № 143 Иркутскому военному губернатору сообщал: «...В общем следует прийти к окончательному выводу, что в данное время к применению на монгольской границе строгих ограничительных мер против наплыва китайцев и самовольного их вторжения к нам, никакой острой надобности не встречается, так как в Россию они идут не через Монголию, а через Маньчжурию и Забайкалье. Стеснять же китайцев в крупных их фирмах, около двухсот лет существующих в Маймачене, сроднившихся с русскими, с которыми они будут вести и ведут общие крупные дела по нашему экспорту в Китай и западную Европу, так же нет необходимости. До сих пор Маньчжурская администрация в Монголии и китайские крупные фирмы не могут еще оправиться от удара по нашей границе запретительной пошлиной на шелк и другое...».

В заключение комиссар отмечал: «... Наше приграничное и инородческое население, несмотря на обширность занимаемых своих земельных участков, крепко охраняют каждый клочок своей собственности, и в общей своей массе представляет собой трудновосприимчивую для внедрения в ней пришлых китайцев»³².

Можно полагать, что вышеуказанным сообщением пограничный комиссар из Забайкалья убеждал высокое руководство в Иркутске в том, что нет ничего страшного, что китайцы перебираются в Россию ради работы и заработка, не совершая ничего предосудительного.

Российские власти, вводя паспортную систему и другие ограничительные меры, шли на это крайне осторожно, опасаясь испортить отношения с Китаем. Российская торговля, как и китайская, постоянно поддерживали взаимную заинтересованность в сотрудничестве при минимуме ограничительных правил и законов. Именно поэтому ввод каких бы то ни было ограничительных мер бил, прежде всего, по торговым интересам обоих государств.

В политических кругах страны прочно утверждалось мнение, что сохранение суверенитета России над Сибирью и Дальним Востоком — это важнейшая проблема, требующая самого серьезного внимания и что основное условие ее решения состоит в более или менее плотном заселении вышеуказанных территорий. Правительство издавало ряд законов, шаг за шагом ограничивающих деятельность иностранцев и возможность их оседания и укоренения на территории Забайкалья и Дальнего Востока. Так, в 1910 г. российское правительство запретило наем иностранцев на казенные работы и др. [2, с. 68]. Однако полномасштабному осуществлению планов правительства и местных властей в этом вопросе помешала первая мировая война.

²⁹ ГАЗК. Ф. 24. ОП. 1. Д. 280. Л. 5.

³⁰ ГАЗК. Ф. 1 (О). ОП. 1. Д. 280. Л. 5.

³¹ ГАЗК. Ф. 1 (О). ОП. 1. Д. 14796. Л. 9.

³² Там же. Л. 10, 17.

Список использованной литературы

1. Дацышен В. Уссурийские купцы / В. Дацышен // Родина. — 1995. — № 7. — С. 54–57.
2. Ларин А. Желтый вопрос / А. Ларин // Родина. — 1999. — № 1. — С. 66–72.

References

1. Datsyshen V. Ussuri merchants. *Rodina*, 1995, no. 7, pp. 54–57. (In Russian).
2. Larin A. Yellow Question. *Rodina*, 1999, no. 1, pp. 66–72. (In Russian).

Информация об авторе

Косых Владимир Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия e-mail: ifotdel@yandex.ru

有关作者的信息

Vladimir I. Kosykh — 历史学副博士, 后贝加尔国立大学历史与语文系, 历史教研室的副教授, 赤塔, 俄罗斯联邦, 电子信箱: ifotdel@yandex.ru

Author

Vladimir I. Kosykh — PhD in History, Assistant Professor, Chair of History, Department of History and Philology, Zabaikalye State University, Chita, Russia: e-mail: ifotdel@yandex.ru

Для цитирования

Косых В.И. Власти Забайкальской области и китайские иммигранты: начало XX века / В.И. Косых // Российско-китайские исследования. — 2019. — Т. 3, № 4. — С. 28–37.

For citation

Kosykh V.I. Authorities of Zabaikalye Oblast and Chinese Immigrants: Early XX Century. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2019, vol. 3, no. 4, pp. 28–37. (In Russian).